

В июле 1943 года по приказу Ставки Верховного главнокомандующего в районе Орловско-Курского выступа от станции «Ржава» до станции «Старый Оскол» за 32 дня была построена железнодорожная ветка расстоянием в 96 км. На строительстве дороги трудились преимущественно женщины и подростки. В сутки строилось 3 км трассы. Для уничтожения дороги абвер создал в Запорожье школу для подготовки диверсантов...

ГЛАВА 1

Стрельба в лесу, где обзор закрыт стволами и низким кустарником, для солдата страшнее боя в городе или даже в поле. Есть, конечно, надежда, что враг тебя не видит и стреляет в другую сторону, но ведь и ты его не видишь...

— Уходит, зараза.

— Пересекай слева!

Три автоматчика вырвались из лесных пролесков на залитую до краев солнцем просеку, повели оружием по сторонам. Нюхом овчарок опасности на просторе не почувствовали, взбежали по сваленным вдоль насыпи шпалам на самый верх строящейся железной дороги. Залегли там, сдерживая дыхание. Старший, царапая лейтенантскими звездочками щеку, плечом вытер пот.

Огляделись.

Буйствовала, выпирая из леса, молодая поросль орешника вперемешку с осинками. К самой насыпи гуськом выбежали несколь-

ко елочек. Одна каким-то образом сумела перемахнуть будущую железную дорогу и теперь одиноко привставала на цыпочки, пытаюсь высмотреть происходящее за насыпью. Присядь, дуреха, раз повезло оторваться от пальбы: на войне любопытные редко доживают до второй огненной очереди.

— Стой! Сдавайся! — раздалось в лесу.

В ответ прозвучало два экономных пистолетных выстрела. В обратную сторону жирными многоточиями ушли автоматные очереди. Но поверху, по листве, а это значит, всего лишь для острастки, для загона. Солдатский слух на третьем году войны прекрасно различает выстрелы в упор. Даже в лесу. Но пока идет охота на живца...

— Прикрываем, — отдал команду лейтенант лежавшим по обеим сторонам подчиненным.

Сам рывком, согнувшись, скорее укрываясь не от возможных пуль, а маскируясь для мечущегося в лесу противника, перебежал к краю насыпи. Она замерла над небольшим лесным ручейком, и на самой ее оконечности, нырнув за шпалы, лейтенант и затих.

Он не ошибся в расчетах. Для выскочившего из леса щупленького диверсанта даже малая речушка выростала в препятствие, на

преодоление которого не оставалось времени. Узкая полоска меж водой и насыпью манила возможностью оторваться от преследования, и хотя в разведке основным правилом считалось не соблазняться самым легким вариантом спасения, выхода не оставалось: слишком явственным становился треск сучьев бегущих по следу смершевцев. Или пан, или...

А вот и пропал!

Лейтенант коршуном бросился на вражеского цыпленка. Однако не успело его тело накрыть противника, тот неуловимым движением переправил его полет через себя далее, в воду. Как успел диверсант увидеть опасность, а главное, молниеносно среагировать, выбить непонятным приемом лейтенанта из борьбы, для подбежавших на край автоматчиков осталось загадкой. Но служба, да и сам лейтенант приучили в подобных ситуациях не раздумывать. И пусть не красавцами-коршунами, пусть всего лишь пыльными расхристанными воронами, да еще столкнувшись лбами друг с другом, смершевцы навалились на врага, вмяли его своей двойной массой в жидкий берег.

Только его грязь помогла и врагу ужом выскользнуть из-под кучи-малы, дав еще один шанс оторваться от погони и скрыться

за насыпью. Может, так бы и случилось при удачном стечении обстоятельств, но именно из-за железной дороги вырос бородатый старик с молотком на длинной ручке, которым железнодорожные обходчики обстукивают рельсы. Профессия смотрителя тоже приучила деда к мгновенной оценке ситуации и не менее мгновенным действиям, и удара молотком по укрытой маскхалатом голове диверсанта оказалось достаточно, чтобы смершевцы вновь вцепились в того мертвой хваткой.

— Как-то так, — остался доволен своей работой железнодорожник.

Его руки от волнения дрожали, и, успокаивая себя, старик попробовал свернуть сигарку. Однако, как ни старался, раз за разом просыпал табак на шпалы. Успокоился тем, что понюхал пропахшие куревом пальцы.

Подбежавшие из леса солдаты окружили лежавших на земле, круговым частоколом выставили стволы автоматов. Под ним, стараясь найти применение своим способностям, юлой крутился небольшого роста паренек. Автомат бил его по коленям, мешал выбрать момент броска на извивающегося врага, но пацан не оставлял попыток ввязаться в бузу.

— Держите руки, пистолет! — закричал, скользя в грязи, вылезавший из реки лейтенант.

Поздно. Выстрел, приглушенный телами, тем не менее показался командиру громом танковой пушки.

Куча-мала осела. Паренек благоразумно отскочил. Автоматчики медленно, понимая промашку, начали подниматься. Перед глазами бойцов оказалась худенькая девушка, корчившаяся от боли. Сострадание к раненым хотя и притупилось за войну у воевавшего люда, но полностью из солдатского обихода не исчезло. Даже по отношению к противнику. А тут еще и женщина...

Распихивая подчиненных, лейтенант упал перед ней на колени, принялся ловить тонкие окровавленные руки:

— Голубушка, гадинка, солнышко. Не умирай. Потом сам придушу, но сначала словечко. Хоть одно словечко... Бинты. Перевязку! В медбат!

Команду приняли на свой счет провинившиеся автоматчики. Как могли бережно подхватили раненую под руки и ноги. Сбоку, поддерживая тело и продолжая бинтовать раны, прилипли еще два бойца. Паренек места ря-

дом с раненой не нашел, остался около лейтенанта. Тот нахлобучил ему пилотку на уши:

— Ты почему здесь? Где приказано находиться?

— Так нестандартная ситуация... — начал оправдываться юный боец.

— Рядовой Василек, марш в штаб!

Похоже, лейтенанту не понравилось, что парень стал свидетелем его просчета, а потому отвернулся, давая понять, что разговор исчерпан. Сам же, наверняка знавший лес как свой ППШ, перед тем как броситься через кустарник самой короткой дорогой к медсанбату, кивнул поднявшемуся с рельса железнодорожнику:

— Спасибо, Михалыч.

Старик пожал плечами — было бы за что. По привычке стукнул молотком по попавшейся под руку шпале и продолжил свой неожиданно прерванный путь.

ГЛАВА 2

За три месяца до этого, 12 апреля 1943 года, в кабинет к Верховному главнокомандующему И. В. Сталину были вызваны первый заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский и заместитель начальника Генштаба генерал армии А. И. Антонов. Сталин уже стоял у карты, разложенной на столе с зеленым сукном. Тема разговора для вошедших была знакома: два дня назад Жуков получил указание подготовиться к обсуждению плана боевых действий на предстоящие лето и осень. Так что ждали только приглашения к докладам.

Сталин не спешил. Поздоровавшись, уткнулся взглядом в карту с формирующимся выступом около Курска. Чем он станет — плацдармом для нового броска на запад или аппендиксом, который искусный хирург способен отрезать одним взмахом скальпеля? Наш

бросок или немецкая хирургия? Третьего было не дано, после Сталинграда именно здесь сконцентрировалась мощнейшая группировка как советских, так и германских войск. Любезной оборонительной вежливостью не обойдется, в войнах противнику ломаются хребты, а не откусываются ногти. Кто первый начнет движение? И надо ли оно — быть первым? Жуков с 17 марта находился в том районе, должен был оценить обстановку на месте. Ему и предстояло держать первое слово.

Предугадывая решение главнокомандующего, Георгий Константинович по привычке поправил китель. Сталин же мимоходом отметил, что к новым маршальским погонам, на которые всего месяц назад к большой звезде добавился герб Советского Союза, нужно бы поручить сшить и новые кители: военачальники такого ранга должны иметь особый статус и в форме, простым перешиванием погон на мундирах дело не должно ограничиваться. До Сталинграда о присвоении маршальских званий и не помышлялось, но битва на Волге явила всему миру не только мужество бойцов Красной армии, но и талант советских военачальников. А то, что первым в войну маршальские звезды вручили Жукову и Василевскому, непосредственно занимавшимся

обороной Сталинграда, то по правде истории и свершившегося победного факта. Даже свою фамилию Иосиф Виссарионович позволил вписать в указ только третьей строчкой. Вот все трое теперь и стоят перед картой 43-го года. Она через месяц-другой и покажет, чего стоят маршальские звезды с гербом Советского Союза на плечах...

Наконец, Сталин поднял глаза на Жукова, и Георгий Константинович принялся докладывать основной итог двухдневного анализа обстановки:

— Командующие Центральным и Воронежским фронтами убеждены, что враг будет наступать на их, курском направлении. — Жуков руками изобразил клещи, перегрызающие Курский выступ. Одна рука предполагала генерал-фельдмаршала Гюнтера Клюге, сосредоточившего в районе Орла группу армий «Центр», вторая — генерал-фельдмаршала Эриха Манштейна, командовавшего под Белгородом группой армий «Юг». Хирурги, надо отдать им должное, искусные, скальпель в их руках способен справиться не только с аппендиксом.

— Генеральный штаб убежден в этом же, — согласился с выводами командующих фронтами и замнаркома Василевский.